

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.022
УДК 811.161.1'373.21 + 398:622(470.5) +
+ 94(470.5)

Е. Э. Иванова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ УРАЛЬСКИХ ГОРЩИКОВ*

В статье анализируются предания уральских горщиков — людей, занимающихся добычей драгоценных и цветных камней частным образом. Фольклор горщиков (в отличие от фольклора горняков — профессиональных горных рабочих) до сих пор практически не изучен. Материалом для исследования послужили полевые записи разных времен — как вышедшие в свет, так и неопубликованные, извлеченные из картотеки «Лексика, топонимия, этнография камня», хранящейся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета. В статье показано, что предания вырастают из реальной практики горщиков, дополняясь традиционными мотивами, в том числе фантастическими. В центре исследования — топонимические предания, которые рассматриваются как источник выявления внутренней формы топонима и его мотивации. Автор отмечает, что обращение к историческим данным и комплексный этнолингвистический анализ позволяют установить истинность или ложность мотивации топонима, содержащейся в предании. Выявлено, что корреляция устойчивого мотива преданий и устойчивой номинативной модели помогает определить верную мотивировку топонима. Предания горщиков рассматриваются также как источник изучения их образа жизни и мировоззрения; анализируются мотивы, характерные для их преданий: мотив фарта и случайной находки самоцветов, мотив «недающегося» клада и неудачной разработки месторождения, мотив вешего сна, мотив нарушения запрета и наказания за жадность, мотив удивительного богатства месторождений. Автор показывает, как

* Исследование выполнено в рамках проекта «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2020-0056).

в преданиях горщиков известные повествовательные мотивы конкретизируются применительно к данной профессиональной среде: мотив самопогребения чуди замещается мотивом погребения сокровищ.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский язык; топонимия; фольклор; топонимическое предание; мотив предания; мотивация топонима; история Урала

«Мы привыкли считать Урал сокровищницей минеральных богатств и самоцветов, мы хорошо знаем разные украшения из уральских самоцветов, но нам мало известны условия нахождения этих камней и характер их добычи», — писал академик А. Е. Ферсман [1960, 69]. История уральского самоцветного промысла началась в 1668 г. с находок драгоценных камней братьями Тумашевыми в районе Мурзинской слободы на реке Нейва. Слухи о замечательных находках Тумашевых заставили многих крестьян пойти на поиски самоцветов. Называли они себя горщиками (*горщик* ‘человек, занимающийся добычей драгоценных и цветных камней’ [ЛТЭК]). Слово не зафиксировано ни в одном словаре, однако активно употребляется на Среднем и Южном Урале, и образовано оно от сущ. *гора*. Под *горой* понимается не форма рельефа, а коренные породы, которые горщики разрабатывают в надежде добраться до самоцветов. Гор в привычном понимании на территории Самоцветной полосы нет (по меткому замечанию П. П. Бажова, «иная гора наружу выходит, а иная в земле» [Бажов, 2019, 722]). Таким образом, *работать в горе* — ‘разрабатывать коренные горные породы’ [ЛТЭК].

Горщики (в отличие от горняков — профессиональных работников горной промышленности) не имели специальной подготовки, знания приобретались опытным путем и часто передавались из поколения в поколение, отсюда знаменитые династии горщиков: Зверевых, Южачковых, Китаевых. Тяжела была работа по добыче самоцветных камней, трудно было предугадать результат: приведет ли жила к гнезду с самоцветами или обманет. Безусловно, необходимы были знания, чутье, но и это не гарантировало удачу, во многом от случая, или форта¹, зависел успех горных работ.

Менталитет горщика отличался от менталитета крестьянина: «Если в соседних деревнях и селах идеалом считался работающий крестьянин <...> который своим тяжелым трудом наживает небольшой, но надежный достаток, а тех, кто ждет журавля в небе не уважали и порицали <...> то для жителей сел и деревень страны Самоцветов было характерно особое “фартовое” сознание. Сотни крестьян после осенних работ на земле, которые, словно синица в руке, несли надежный, но невысокий доход, устремлялись в леса на старательские работы в поисках своего “журавля в небе” — дорогих камешков, враз способных обогатить. <...>

¹ «Форт — очень употребительное на Урале и частично в Сибири слово, означающее случай, удачу, фортуна» [Ферсман, 1960, 70].

Удачливый старатель, или “фартовщик”, становился героем целой округи: “Раздайся, народ, фартовщик идет” — слова из местной песни» [Рычков, 2013, 39–40].

У горщиков сложился свой язык (местные наименования минералов), своя топонимическая система (названия копей, карьеров, жил) и свой фольклор, до сих пор практически не изученный.

В центре данного исследования — топонимические предания горщиков. Материалом послужили полевые записи разных времен: предания, записанные в 1930-е гг. и представленные в сборнике Е. М. Блиновой «Тайные сказы рабочих Урала» [Блинова, 1941]; предания, записанные фольклорной экспедицией Уральского университета в 1970–1980-е гг. и опубликованные в сборнике «Предания и легенды Урала» [ПЛУ]; предания, записанные Топонимической экспедицией УрФУ в 2020–2021 гг. и извлеченные из картотеки «Лексика, топонимия, этнография камня», хранящейся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета [ЛТЭК]. Привлекались художественные произведения, написанные горщиками [Артемьев, 2012; Маковецкий, 2013] или основанные на рассказах горщиков [Власова, 1961] и содержащие предания.

Известно, что предания — это устные рассказы, претендующие на исторически верное изображение действительности. В. К. Соколова справедливо замечает, что предания могли возникать посредством обобщения и типизации действительных фактов. «Это всегда рассказ о сравнительно недавних событиях, современниками и свидетелями которых были если не сами рассказчики, то их отцы и деды» [Соколова, 1970, 257]. Это суждение подтверждается нашими материалами. Предания уральских горщиков рождались из баек и рассказов, передаваемых очевидцами или со слов очевидцев. Они выростали из реальной практики горщиков, характеризуя их быт и мировоззрение. «Повторяясь, воспоминания отливались в устойчивую форму и отрывались от своего рассказчика, становились преданием в полном смысле этого слова и дополнялись традиционными мотивами» [Там же, 258].

Термин *топонимическое предание* определяют по-разному; в рамках нашего исследования мы вслед за Е. Л. Березович, В. С. Кучко и О. Д. Суриковой понимаем его как текст, который обнаруживает связь своей мотивной структуры с мотивировкой какого-либо географического названия [Березович и др., 2015, 109]. Основное назначение топонимического предания — объяснить происхождение топонима.

Термин *мотив* в традиционном понимании — это структурная формула, организующая сюжет, в которой должны присутствовать субъект, объект и связывающее их действие [Швабауэр, 2002, 184]. Структурные элементы мотива уточняются (не только действие субъекта, но и его состояние) и расширяются (к основным добавляются обстоятельства действия) [Грибанова, 2006, 7; Криничная, 1987, 19]. Среди прочих фольклористы выделяют топонимический мотив,

который определяет структуру топонимического предания: «В топонимических преданиях сюжетобразующую роль имеет топонимический мотив: он является отправной точкой в развитии сюжета, им открывается либо завершается произведение» [Грибанова, 2006, 9; Пешина, 2018, 72]. Под *топонимическим мотивом* понимается мотив, объясняющий названия географических объектов [Грибанова, 2006, 7]. Топонимический мотив может быть представлен в структуре предания в чистом виде, вне связи с другими мотивами. Текст «Старцевскую копь заложил Старцев, в ней огромный берилл был найден, о нем все журналы писали» (Кайгородское) [ЛТЭК] уже может считаться топонимическим преданием, так как он содержит топонимический мотив: Старцев (субъект) заложил (действие) копь (объект), которую назвали *Старцевская* (раскрыто происхождение топонима). На наш взгляд, такие краткие тексты лучше отделять от полноценных преданий и называть *топонимическими нарративами*, содержащими мотивацию топонима.

Однако часто топонимический мотив выступает в тесной связке с другими мотивами. Так, в предании про копь *Сарафанницу* топонимический мотив совмещен с устойчивым мотивом случайной находки самоцветов: «Проезжали повозки, дожди размыли колею, и в рубчике от колес телеги девушка увидела камушки. Это были аметисты. Она их собрала и в сарафане принесла, а там копь заложили — *Сарафанницу*» (Мурзинка) [ЛТЭК]. Таким образом, топонимическим преданием может быть назван фольклорный текст, в котором хотя бы один мотив связан с мотивировкой географического названия.

Лингвистов топонимические предания интересуют прежде всего как источник выявления внутренней формы топонима и его мотивации. Известно, что в предании не всегда содержится истинная мотивация. Предание о месторождении аметистов *Ватиха* гласит, что первым на это место наткнулся дряхлый старик, настолько седой и белый, что вся округа иначе как *Ватой* его не называла, поэтому гору назвали *Ватихой* [ЛТЭК]. На самом деле месторождение названо по фамилии горщика из д. Сизикова Ивана *Ватина* [Соловьев, 1969, 39]. В подобных случаях лингвисты говорят о ложной мотивации или фольклорной ремотивации топонима [Березович, 2000, 429]. Как правило, обращение к историческим данным и комплексный этнолингвистический анализ позволяют установить истинность или ложность мотивации топонима, изложенной в предании.

Перейдем к анализу материала.

Предания об открывателях и разработчиках месторождений

Одна из самых многочисленных групп топонимических преданий и нарративов — тексты, в которых географическое название производится от имени первооткрывателя или разработчика копи / месторождения. На протяжении всей истории добычи самоцветов наряду с государственными разработками существовали частные, которые чаще всего именовались по имени владельца: «Есть *Артемьевская яма*

за Кайгородкой. Там Артемьев работал, завалило его. Раньше ведь без крепи работали, без опалубки. На гнилой веревке на глубину спускались. Часто заваливало. Рискованные были люди» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «*Першина яма* — на аквамарин. Мой прадед, Першин Николай, ее заложил» (Черемисское) [ЛТЭК].

Благодаря топонимическим нарративам удалось выявить особенности мотивации некоторых гидронимов на территории Самоцветной полосы. Если в других регионах небольшие речки именовались по именам владельцев покосов на берегах, на Среднем Урале гидрообъекты могли называть по именам первооткрывателей россыпей самоцветов в руслах речек и ручьев: «Дальше речка *Ивановка* есть. Там Иван тоже открыл какие-то камушки. Он открыл для себя, вот *Ивановкой* и назвали. Дальше-то идет *Софьян Лог*. Раньше артели были, и в этой артели была женщина Софья. И эта Софья была удачливая. И вот она в ложке тоже нашла какие-то камушки» (Колташи) [ЛТЭК].

Иногда в предании (нарративе) указывается на коллектив владельцев / открывателей / разработчиков месторождения: «Рыл я, где *Французские отвалы*. Там концессия была французская до революции» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «*Семейные копи* после Великой Отечественной войны разрабатывались семьей казахов, живших в соседнем населенном пункте — Бокситах» (Реж) [ЛТЭК].

В ряде случаев топонимы, изначально мотивированные указанием на первооткрывателя, подвергаются ремотивации — ср. описанный выше случай с месторождением *Ватиха* или следующий пример. Известный на Урале горщик и писатель И. И. Артемьев упоминает в рассказе «Клад» предание, услышанное от местных жителей: «Реж перебрeдeшь, тут тебе и знаменитые турмалиновые копи *Мора*. У шайтанских я спрашивал: почему копи так нарекли? А они мне в ответ: сколь народу заморили-то в яме, с этого и зовется; хотя названа она по фамилии горного начальника Мора» [Артемьев, 2012, 133]. Действительно, установлено, что копи названы по фамилии директора Екатеринбургской гранильной фабрики Якоба Мора, который вел работы на коях в 1810–1812 гг. Вот что писал об этом А. Е. Ферсман: «Яма австрийского минералога Мора, командира гранильной фабрики, снабдившая <...> в 1810–1812 гг. все музеи Запада редкими штуфами турмалинов» [Ферсман, 1960, 76]. Местные жители не помнят, кто такой Мор, поэтому топоним осознается как производный от глагола *заморить*.

Предания с мотивами «чудь добывает полезные ископаемые» и «чудь хоронит свои сокровища»

Горщики в поисках месторождений нередко натыкались на старые, заброшенные копи. Самоцветные копи назывались *дедовскими*², копи, в которых добывали

² *Дедовские копи* — общее название старых, заброшенных самоцветных копей [ЛТЭК]. *Дедами* горщики называют своих предшественников: разведчиков и добытчиков самоцветов XVIII–XIX вв.

руду, — *чудскими*. По уральским преданиям, эти копи принадлежали аборигенам края, обитавшим здесь до прихода русских, — *чуди*. Предания о чуди распространены на Русском Севере, Урале, в Сибири [см. подробнее: Березович, 2012, 560–562]. Уральская чудь занималась добычей полезных ископаемых и плавала руду. Так, в предании о начале города Полевского сообщается: «...раньше на этом месте жила чудь — нехристи, они занимались плавкой руды и вырыли рудокопные ямы» [ПЛУ, 36]. Это подтверждается историческими данными: «Гумешевское месторождение <у г. Полевского> разрабатывалось в незапамятные еще времена, незапамятным же и загадочным народом, который русские называют чудью, или чудаками. Народ этот, не умевший обрабатывать железные руды, деятельно занимался добыванием меди и серебра; многие из богатых рудников на Алтае и на Урале найдены были по следам чудских работ — по так называемым чудским копиям» [Чупин, 1873, 27].

Уральские предания рассказывают о несметных подземных богатствах чуди. Традиционный мотив о самопогребении изменяется: услышав, что придут *белые люди, чудаки* хоронят не себя, а свои сокровища (добываемые металлы, самоцветы), сами же уходят в другие края. «Переосмысление осуществлено на реальной жизненной основе: чаще всего открытие металлов — золота, меди, серебра — происходило в местах древних разработок, по следам деятельности неизвестных (“старых”) рудокопов» [Лазарев, 1970, 51].

Изначально *чудская копь* — имя нарицательное, в таком статусе употребляется и сегодня: «*Чудских копей* много по Уралу: в районе Сысерти, Полевского и на Южном Урале. Когда начали Урал осваивать, Татищев и де Генин издали указ: искать чудские копи. По ним и находили руду. На Гумёшках *чудская копь* была, там чудь медь добывала, но и малахита много было. Чудь малахит тоже плавала, как и руду. Когда копь вскрыли, нашли орудия их труда» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Однако на сегодняшний день таких копей осталось немного, они уникальны, и их обозначения могут иметь статус имени собственного, например *Чудская копь* в окрестностях г. Пласт (Пластовский р-н Челябинской обл.).

В окрестностях г. Полевской Свердловской области зафиксировано название копи *Яма Чуди белоглазой*: «За Полевским, в районе речки Зюзелки, ближе к Дегтярке есть *Яма Чуди белоглазой*. Там чудь добывала сернистое железо. А белоглазая — потому что были они со светлыми глазами, видимо, предки финских племен. Сейчас эта яма заброшена, но мы в ней копались» (Кайгородское) [ЛТЭК], ср.: «Раньше здесь — давно это было — жили разные народности. У нас еще сохранилась поговорка: *Чудь белоглазая, чудь белобрысая* — это так называли местных жителей пришлые люди» [ПЛУ, 42].

Еще одно название древнего населения Урала — *старые люди*, это наименование встречается в районе Полевского и Сысерти Свердловской области и на Южном Урале. Предания о *Гумёшевском медном руднике*, основанном еще *старыми людьми*, слышал П. П. Бажов на Полевском заводе: «Гумёшки-то нам от *старых*

людей достались. Только, конечно, шахты никакой не били, сверху брали, не как в нонешнее время» [Бажов, 2019, 10]. С приходом русских они захоронили свое богатство: «Тогда *стары люди* запрятали золото в Азов-гору, медь в Гумёшки вбухали и место утоптали, как гумно сделали»³ [Там же, 738–739], а сами ушли: «*Старые люди* давно здесь жили, в пещере на Азов-горе. Потом ушли на юг, но каждое лето сюда возвращались, чтобы посетить свои места родовые и за рудой. Тогда еще все их ходы подземные были открыты» (Полевской) [ЛТЭК].

В топонимическом предании про *Копань-гору*⁴ *старые люди* добывали самоцветы: «Так слушайте сказ про Копань-гору и ее клады. В старое далекое время здесь, в этих местах, жили *старые люди*. Охотничали да самоцветы добывали они. Проезжим купцам их продавали. Несметные богатства смарагдов — теперь они изумрудами зовутся — лежали в Копань-горе. Ишь, она вся изрыта — оттого и Копань-горой зовется. Прослышали про эти камни царские воеводы и решили не только Копань-горой завладеть, но и всей землей в округе. Напали воеводы с войском на здешних людей. Многих перебили, многие сами ушли — бежали в горы, в степь. А как завладели царские воеводы Копань-горой, так тут же дали приказание слугам — рыть гору. Самоцветы искать. Искали, копались и снова искали изумруды царские слуги, но ни единого камешка не нашли. Будто все самоцветы старые люди с собой унесли или так спрятали, чтоб никто найти не смог» [Власова, 1961, 99–100]. Авторы [СРГСУ, 2, 47] приводят для слова *копань* общее значение ‘канавы, ямы, небольшой котлован’ (Верхняя Тавда), однако благодаря приведенному контексту значение можно уточнить: ‘открытая горная выработка, копь’, ср.: «Монахи давно открыли в горах железную и медную руду по чудским копаням» <Мамин-Сибиряк. Охонины брови> [Там же, 47].

Предания с мотивом «недающегося» клада

Во многих уральских преданиях отражен мотив «недающегося» клада, причем под кладом часто понимаются богатства земных недр. Он намечен в приведенном выше предании про Копань-гору: царские люди искали самоцветы, но «ни единого камешка не нашли».

³ В топонимическом предании о Гумёшках, несмотря на мифологический мотив, верно прослеживается связь со словом *гумно*. Ср. в диалектах: влг. *гумёнце* ‘место, где тетерева собираются на ток’, арх. *гумёшко* ‘вытопанное до голыи земли место для ловли птиц силками’, ‘небольшая поляна, на которую во время ночевки в лесу пускают пастись лошадей’ [СРНГ, 7, 229]. Эти данные позволяют считать наиболее общим значением для диалектных слов *гумёнце*, *гумёшко* ‘открытое место, поляна’. Все эти слова образованы от *гумно* ‘место, где молотят хлеб’, для которого ученые восстанавливают первичное значение ‘место, где скотина мнет скошенный хлеб’, т. е. опять-таки ‘открытое, чистое, вытопанное место’» [Матвеев, 2008, 75]. Гумёшевский медный рудник действительно заложен на открытом, чистом месте.

⁴ Сегодня гора называется *Копаная*, она находится в Сысертском районе Свердловской области.

Любопытно предание о *Лысой горе* близ Нижнего Тагила: «*Лысая* — она особенная гора. Стоит она, сверху дерном, будто шалью, накрылась. Из боков, как из рваной шапки ветошь, простецкий камень серяк выпирает. <...> Для отвода глаз бедной сиротинкой прикинулась. На самом деле Лысая хранит в себе несметное богатство. <...> Но Лысую-то ни с которого бока трогать нельзя. Недотрога она. Приступи только, разрежь, как из горы сразу же могучая подземная вода хлынет, и никак с ней не сладить. Устремится она, поднимет пруд и зальет весь поселок» [Гора-недотрога, 3]. Мотив хлынувшей из горы воды имеет реальную основу: часто копи затоплялись грунтовыми водами, что не давало возможности работать. Вероятно, ту же мотивацию имеет название копи *Недотрога* в Челябинской области, близ озера Синара.

Этот мотив встречается и в преданиях об *Азов-горе*: в пещере живет девка Азовка, которая охраняет самоцветы и золото, надо знать особое «заговоренное слово», чтобы пещера с кладом открылась, однако слово никто не угадывал и клад оставался недостижим: «Азов-то гора непростая. Богатства в ней много, да достать-то его трудно. <...> Многие хотели богатство достать, да не умели. Было здесь имечко закланено, кто его назовет — тому гора откроется. Угадать надо было имечко это. Тогда было бы счастье. А имечко... девки Азовки имечко было. Это ее люди девкой-то Азовкой прозвали» [ПЛУ, 69]. Сюжетообразующим здесь является мотив заговоренного клада, но из повествования становится понятно, что название горы связано с именем *девки Азовки*. Ср.: «Говорили раньше старые люди, что гора называется *Азов*, потому что живет на ней в глубокой пещере *девка Азовка*» [Там же, 72]. В преданиях отражена народная ремотивация топонима, научная же этимология такова: *Азов* — метафорический перенос башк.-тат. *азав* 'коренной зуб' [Матвеев, 2008, 10] (вершина горы увенчана скалой, напоминающей коренной зуб). Эту версию подтверждает форма *Азав*, зафиксированная П. С. Палласом [1786, 187].

Предания о плаче заточенной в гору Азовки [см.: ПЛУ, 70] породили новый топоним: у подножья Азов-горы есть родник, который местные жители и туристы называют *Азовкины слёзы* (Полевской) [ЛТЭК]. Перед нами замечательный пример того, что топонимы могут возникать как «реакция» на устойчивые предания и «провоцироваться» устойчивыми мотивами (превращение слез девушек в воду).

Предания с мотивом неудачной разработки месторождения

Мотив «недающегося» клада конкретизируется применительно к жизненной практике горщиков и перерастает в мотив неудачной разработки месторождения: горщики долго и упорно работали, но не смогли добраться до *занорыша* — гнезда с самоцветами. О такой работе рассказывают старики-горщики Семенов и Краснояр в предании о горе *Поцелуихе*: «Пришла к горе артель горщиков. Стали рыть землю. Видят, идет жила. Старики рады. Деревянной колотушкой вгоняют

они в землю деревянные клинья. Откалывают горную породу. Деревянными совочками выгребают. Работают день. Два. Неделю. Медленно подвигается дело. Но жила лежит путеводной нитью. Старики не теряют ее. А работать становится трудней: порода чем дальше, тем крепче. Вот наконец появляются уже “щетки” (так называют горщики и теперь небольшие друзья самоцветов). Значит, сейчас дойдут до гнезда. А порода крепчает с каждым вершком. Опытный глаз стариков видит, что залежи самоцвета буквально в одном вершке. Старики отбросили клинья. Хворосту натаскали. Костер разожгли, греют камень. Накаляют его. Потом холодной водой заливают, чтобы лопался. Трещит, а ничего не выходит. Крепка порода. Даже огню не поддается. Сколько старики ни мучились, так и не смогли добраться. Вот уж подлинно: видит око, да зуб неймет!.. Так и ушли. Увидели, поцеловали, да и ушли, с чем пришли. Оттого-то гора и называется *Поцелуиха*» [Блинова, 1941, 104].

На мотивацию топонима, отраженную в предании, повлияли идиомы прост. *поцеловать пробой* ‘придя к кому-либо, не застать его дома’ [Федоров, 2008, 514], перм. *поцеловать замок* ‘не суметь попасть внутрь чего-н.’ [Акчим, 18, 105]. Однако истинная мотивация топонима иная. Рядом с копьём Поцелуиха находится одноименная *редка* (свердл. *рёдка* ‘редкий невысокий лесок’ [СРНГ, 35, 18]) — *Поцелуиха*. В номинативном комплексе «лесок — копь» первично наименование леса, который служил местом встреч влюбленных (ср. номинативные параллели на Русском Севере: покос *Поцелуиха*, лес *Поцелуйница* и др.).

Мотив неудачной разработки отражен и в других номинациях и посвященных им топонимических нарративах: «*Копь Голодная* — ну, тут понятно, камень редко шел, можно деньги все прожить и голодным остаться, значит, не часто самоцветы попадались» [Артемьев, 2012, 193] (ср.: *голодная* ‘о жиле, изначально непродуктивной’ (Кайгородское) [ЛТЭК]); «*Яма Голодная* — бывает, рылись, рылись, ничего не нарыли, деньги забухали и с голоду опухли» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «*Копь Дурманница* — горщик думал, что аметисты найдет, а оказались только дурмашки⁵» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Копи *Обманница* и *Обманка* обманули ожидания горщиков — многообещающие жилы привели к занорышу без самоцветов: «Надеялись, надеялись что-то найти, а она обманула. Вот и *Обманка*. Бывало, полгода робыт-робыт, а ничего нет!» (Кайгородское) [ЛТЭК].

Предания с мотивом случайной находки, везения, фарта

Мотив случайной находки закономерен для сознания горщика, ведь именно от случая, удачи, фарта зависел во многом успех горных работ: выведет ли жила к большому занорышу с самоцветами — или труд окажется напрасным, а вложенные деньги пропадут.

⁵ *Дурмашки* ‘кристаллы горного хрусталя низкого качества’ (Кайгородское) [ЛТЭК].

Многочисленны предания горщиков, в которых встречается мотив случайной находки самоцветов в своем огороде, погребе, в поле после вспашки, в размытой колее. Приведем некоторые топонимические предания и нарративы, содержащие мотивацию топонимов: «*Министерские Ямы* девушка одна открыла: после ливня в промоине камушки увидела. Но эту копь богатую быстро к рукам прибрали, министерство лапу наложило. Поставили управляющего от министерства, вот и назвали *Министерские ямы*» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «*Копи Мора* нашли братья Кузнецовы случайно. Они просеку делали — увидели дерево вывернутое, а в корнях два камушка — турмалины. Начали рыться и нашли жилу. Потом в честь голландца, маркшейдера Мора, назвали» (Черемисское) [ЛТЭК]; «*Волчьи ямы*. Это, опять же, так копь называется. Недалеко от Нейвы на пригорке волки нору вырыли. И вместе с землей аметисты из земли выкинули» [Артемьев, 2012, 194]; «*Копь Халявка* появилась случайно: в конце 1990-х годов грибники наткнулись на упавшую березу, а в ее корнях сверкали аметисты. Хорошую жилу березка показала, с тех пор “на халяву” там добыли немало аметистов» (Мурзинка) [ЛТЭК].

Названия копей *Неожиданная*, *Нежданная* также говорят о случайном открытии месторождений: «*Неожиданную копь* нашли случайно. Работали на поле, сели отдыхать — а там промоина. Стали раскапывать и камни нашли» (Октябрьское) [ЛТЭК].

Горщики отмечают, что случайные находки — для людей бескорыстных, не алчущих: «Камень дается светлому человеку. Человек идет в лес, радуется, и камень ему открывается. Некоторые ходили за камнями и хотели разбогатеть. Кто хотел разбогатеть — камней не находил. Могли пройти мимо и не увидеть камень. Если у вас черные мысли, хотите разбогатеть — ничего не найдете» (Мурзинка) [ЛТЭК].

Иногда люди, случайно нашедшие самоцветы, предстают в предании блаженными, не понимающими ценность камней. «А еще говорили мужики, что есть такие люди, ну вроде как Богом меченные, правда, они больше на юродивых похожи, вот им-то и жилы попадались с лучшими камнями, и зря они не работали, а попадали сразу в занорыш. Да только никто из них богатым не становился. Они с радостью делились со всеми, и богатство уходило мимо, как вода просачивалась меж пальцами. А их все одно называли счастливыми» [Артемьев, 2012, 216].

По мнению горщиков, везет также детям и пьяницам, так как они бескорыстны: «Детям больше на камни везет, глаз у них не привык к камням. У Галанина мы водили группу — все прошли, а мальчик топазик нашел» (Октябрьское) [ЛТЭК]; «Он, может, пьяница последний, но с чистой душой, бескорыстный — и ему с камнями повезет» (Мурзинка) [ЛТЭК].

Этот мотив отражен в нарративах о копи *Похмельная*: «Старики говорили, что мужик с похмелья эту копь обнаружил» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «Работали мужики в “Уралгеологии”. Ну, напились как-то. А им надо было копать шурф в заданной точке. Так они в заданной не смогли, не дошли до нее. Спрятались

в тенечке, начали там яму копать — ну а там аметисты. Вот и назвали *Похмельная*» (Екатеринбург) [ЛТЭК].

Один из вариантов мотива случайной находки — «камень из-под копыта животного»: бык / корова выбивают самоцветы копытом. Таковы предания про копь *Бык*: «Говорят, есть в этом районе копи *Бык*? — поинтересовался я, — почему так называли? — Как почему? по имени первооткрывателя. Бык первый нашел это месторождение. Сошлись, говорят, два быка, скрестили рога. Один из них, осердясь, ударил копытом об землю — разлетелись самоцветы»⁶ [Саримов, 1975, 37]. Отметим, что в данном случае без «аккомпанемента» предания предположить мотивировку топонима невозможно.

Мотивируется подобным образом название копи *Подкопытница*: «...это коровы камень копытами выбили» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Возможно, названия копей *Конское Копыто* / *Копыто* и *Конь* образованы в рамках этой же модели. Ср. уральские предания об огненном коне, который указывает на клад [ПЛУ, 117–118]. Этот мотив нашел отражение в известном сказе П. П. Бажова «Серебряное копытце»: «Тот козел особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем, там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там груда дорогих камней» [Бажов, 2019, 114–115].

Предания о появлении самоцветов из-под копыт животных имеют вполне реальную основу: это возможно при поверхностном залегании месторождения. Так рассказы о действительных событиях, повторяясь, становятся преданиями, оформляются с использованием известных мотивов — ср. ситуацию на Русском Севере, где встречается родственный, но более древний мотив: целебные источники, появляющиеся из-под копыт животных [Березович, 2007, 67].

Предания с мотивом вещего сна

Один из распространенных мотивов преданий горщиков — мотив вещего сна. Во сне они видят знакомое место, где начинают копать яму и находят продуктивную жилу или занорыш с самоцветами. Увиденное сбывается наяву. Приведем некоторые из таких преданий: «Вот будто здесь же, в Баженовском районе, случилась такая история. Один старатель по камню спит и видит сон: спустился он в выработанную шахту и нашел богатейшие александриты. Проснулся старатель и попал в эту шахту. И действительно, после того как выбросил несколько лопат породы, попались ему александриты: чаша, а на ней кругом кристаллы. Много тысяч рублей получил за эти кристаллы старатель» [Блинова, 1941, 131]; «На Верхнем Тальяне робыли. У них глубина шахты была 12 метров. Ничего не попадало,

⁶Р. Саримов передает свою беседу с известным горщиком И. И. Зверевым, внуком Даниила Зверева.

артель вся разбилась, а потом Василий Никонович и говорит Никону: “Пойдем, Никонка, на Тальян, я сон хороший видел”. Пошли на Тальян и нашли занорыш аметистов. Когда потом разложили на столе, то они как огонь горят» [ПЛУ, 105].

Мотив вещего сна древний и универсальный: он встречается, например, в мифологии немецких горняков [Швабауэр, 2002, 229]; бесконечное множество устных фантастических рассказов о том, как сон помог старателю найти самородок, бытовало на старых приисках Башкирии [Ахметшин, 2017, 186] и т. д.

Среди преданий с мотивом вещего сна встречаются и топонимические: «А копь *Под ельником* свою историю имеет: горщик рыл, рыл — ну не везёт, и всё тут, хоть волком вой. И приснился ему сон, что в знакомом месте под ельником аметистов гряда. Утром встал, пошел, нашел. Правда или нет, но мне так старики говорили» [Артемьев, 2012, 193].

Предания с мотивом нарушения запрета

При работе на копи существовал определенный поведенческий этикет, на некоторые действия накладывались запреты: так, во время работы нельзя свистеть, ругаться, нельзя прерывать работу, если камень «идет», иначе удача отвернется. Определенные правила и обычаи регулировали отношения с потусторонними силами — Хозяйкой или Хозяином гор. Горщики старались их не нарушать, иначе тут же последует наказание, о чем говорится в многочисленных байках: «О том, как кто-то вдруг жилу изубожит или вообще в сторону уведит, и, сколь ни рой, ничего больше не попадет, а все лишь потому, что, перед тем как спуститься в копь, в баню не сходил или нехорошим словом в яме выругался. Или о том, как кто-то незримый в яме-то следит за тобой, и ежели ты обжулил кого или жаден без меры, то и обрушить мог на тебя породу или залить водой, а потом, сколь ни откачивай, век не откачаешь» [Артемьев, 2012, 203].

Запреты морально-этического плана регулировали взаимоотношения горщиков друг с другом: нельзя брать чужое, воровать, обманывать тех, кто работает рядом. Когда горщик уходил домой, ставил на копь елку. Говорили: *копь заёлена* — значит, занята (Екатеринбург) [ЛТЭК]. «Горщики знали: если возьмешь камни с чужой копи — случится дома несчастье» (Мурзинка) [ЛТЭК].

Один из запретов — нельзя рассказывать про свои находки, иначе фарт уйдет: «Когда идешь с копи домой, никто не говорит, кто что нашел, чтобы не сглазили. Скажешь: “Не фартануло!” — и все» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Однако иногда такой запрет осмысливается философски: «Горщики считают, что их камни зовут. Камень вас позвал, душу открыл, а вы другому рассказали. Нельзя предавать камень, нельзя рассказывать, где камень нашел» (Мурзинка) [ЛТЭК].

Нарушение запрета может привести к более печальным последствиям, что отражено в топонимическом предании о копи *Вдовья*: «Есть копь у Сизикова, один сизиковский мужик нашел там аметисты, начал яму копать. Но началась

Великая Отечественная война, он на фронт ушел. Сказал про копь дочерям, что они могут копать и камушки продавать, если трудно будет. Но никому про копь говорить нельзя. Ну они и ковыряли камни, шикарные были аметисты. Потом одна вышла замуж и рассказала мужу про копь. Тот и умер, а копь стали называть *Вдовья*» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Есть копь *Вдовьи ямы* у г. Асбеста. Возможно, они разрабатывалась вдовами: бывало, что после смерти мужа дело продолжала его вдова. Однако в лексике горщиков *вдова* — ‘шурф, в котором не работают’, ‘заброшенная копь’, ‘непродуктивное месторождение’ (ср.: «Раньше копали по многу лет. Копают, копают, скажут: “Ну, вдова чёртова, ничего не нашли”, — и бросали шахту» (Черемисское) [ЛТЭК]), поэтому не исключено, что *Вдовьями* называли бедные, оставленные копи.

Предания с мотивом наказания за жадность

Примыкает к предыдущему мотив наказания за жадность. В преданиях горщиков везет бескорыстным людям, а жадные всегда бывают наказаны: добытые самоцветы исчезают или приносят горе. Если добыча сопряжена с обманом, то наказание более суровое: горщик заболевает или лишается ума. Приведем предание про жадность и обман: «У одного мужика отец был горщик и показал ему как-то место, где камни можно добывать. Вот он и вспомнил, что там-то хороший занорыш. Ну, позвал мужиков, они пошли и поробили. Вот он чувствует, что скоро будет занорыш. Думает: зачем я буду делиться? И говорит мужикам: бросаем работу, не будет камня! А у этого мужика жена все зудела: ты голытьба, ничего у нас нет. И очень шубу хотела. Вот он и говорит жене: занорыш там, но ты должна помочь, надо на вороте стоять. И вот они тайно ночью работали, а камни в подпол прятали. Самые хорошие камни он хотел в Мюнхене продать. Другие камни здесь продали, а жена на эти деньги шубу купила. Мужики увидели, что у него деньги появились, и заподозрили в обмане. Вот он как-то возвращается из поездки домой и видит, что в его стороне что-то горит. Подходит, а это его дом! А в подвале-то камни самые главные, так и сгорели. У него крыша и поехала, дурачком стал. Ходит и все про Мюнхен говорит» (Кайгородское) [ЛТЭК].

Развернутое топонимическое предание про *Серафимову копь* встречаем в рассказе И. И. Артемьева. Горщику Серафиму снится сон, в котором некий дед указывает ему на месторождение аметистов. Серафим действительно находит это место и россыпь аметистов, но берет только один кристалл и дарит соседу, рассказывая о месторождении: «Собери мужиков, там на всех хватит, а найдете по зарубкам, я их много наделал. Только не жадничай, один не найдешь, всех бери, кому хочется» [Артемьев, 2012, 202]. Мужики не поделили самоцветы на копи, разразилась страшная гроза. «Только гроза разом кончилась, мужики подбегают к яме, а она вся в воде, и аметисты все в трещинах, бледные, куда такие, только в собак кидать. С тех пор яму эту кличут *Серафимовой*» [Там же, 203].

За корыстные интересы наказан и герой предания «Егоркина горка». Егорка из Шайтанки «пьяница был беспробудный, но вот странность: везло ему по каменному делу отчаянно. То под выворотнем с аметистами проснется, то в копь провалится с недобранным занорышем, то еще какая оказия случится» [Маковецкий, 2013, 46]. Камни же он не продавал, а отдавал просто так. Как только у Егорки появляется корысть, он не может выйти вторично к уже найденной богатой жиле: «А место то до сих пор не нашли. Загодя только *Егоркиной горкой* прозвали. Между копиями Мора и рекой оно, точно так. Только глаз нужен ясный и мысли легкие, голодные, какие у Егора поначалу были» [Там же, 51]. Больше Егорка не брал в руки кайла, а перед смертью «неделю бредил, говорил, что продал он и камни свои, и друзей, и Хозяйку...» [Там же]. Последняя фраза позволяет предположить, что герой наказан Хозяйкой горы. До сих пор старожилы рассказывают о Хозяине или Хозяйке (чаще) земных недр, хотя для большинства информантов сегодня это не конкретные персонажи, а некая природная сила, хранящая земные богатства, которая может подарить прекрасный самоцвет, а может и отвернуться от человека. Именно эта сила наказывает за жадность и открывает месторождения бескорыстным людям.

Мотив наказания за жадность часто встречается в преданиях о рукотворных кладах, в которых «клад рассматривается не только как реальное богатство или мифологическое явление, но и как инструмент соблазнения человека дьяволом» [Котельникова, 2015, 82]. В преданиях горщиков отсутствует мотив намеренного соблазнения богатством — подобные предания служат скорее регулятором отношений между горщиками.

Предания с мотивом продажи и перепродажи камней

Предание с мотивом продажи и перепродажи камней приводит Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке «Самоцветы»: «Видите ли, как было дело. Шереметьев или Строганов, не помню хорошенько, в сороковых годах послал своего дворецкого на Урал, именно в Мурзинку, чтобы купить здесь камней на месте. Дворецкий отправился и прожил в Мурзинке целое лето. Ну, известно, летняя пора, народ весь в поле... Вот однажды дворецкий захотел напиться холодного квасу и полез в погреб. Только смотрит он, а на кадушке с грибами или с капустой лежит гнёт, т. е. камень, и камень совсем правильный, призмой. Дворецкий-то был со свечой и присмотрел камень к огню: просвечивает камень. Захватил он камень с собой и говорит хозяйке, когда приехали с поля, чтобы та продала ему камень. Ну, конечно, баба глупая, ничего не понимает — рада, что двугривенный получила. Поехал дворецкий в Петербург с камнями, а на дороге, как на грех, встречает какого-то англичанина, который ехал в Мурзинку, тоже за камнями. Разговорились: то-сё... Дворецкий показывает свои камни, англичанин смотрит, а потом и говорит: “Продайте вот этот”. Это он насчёт бабьего гнёта. И сразу, понимаете,

синенькую в зубы дворецкому. Ну, тот сообразил, что за двугривенный выгодно получить синенькую, и отдал, а англичанин-то продал в Англии камень за 10 тысяч рубликов. Оказался прекраснейший берилл густого кровавого цвета, длиной в 8 дюймов и шириной в 4 дюйма — он был в кожухе, ну, настоящего-то цвета и не видно. Потом уж этот берилл попал в Вену за 50 тысяч рублей» [Мамин-Сибиряк, 2013, 269].

Мотив продажи камней нашел отражение в многочисленных названиях копей: *Двухсотенная*, *Трехсотенная*, *Сторублевка*, *Тридцатирублевка*, *Тысячница*. Вот как объяснял такие топонимы известный горщик И. И. Зверев, внук Даниила Зверева: «Есть еще копи *Трехсотенная*. Там старатель взял камней на триста рублей. — Мало вроде... — Тогда и триста рублей большие деньги были. Но есть и *Тысячница*. Там старатели камней добыли на всю тыщу...» [Саримов, 1975, 37].

По свидетельству Д. Н. Мамина-Сибиряка, расчет производился прямо у ямы, за бесценок, так как в деревнях скупщики брали самоцветы еще дешевле: «Артелка в яме руководствует, а Якунька или Пронька, напримерно, сидят вот таким манером на борту и покупают камень... Всё форменно. Нашли гнездо амаститов, сейчас Пронька: “Выставляю полведра”, а ежели один камень — полштоф, два полштофа. У каждого камня по росту и цена своя...» [Мамин-Сибиряк, 2013, 269]. *Полштоф* — своеобразная мера расчета, равная 45 копейкам; ср. название копи *Штофница* и объяснение информанта: «Значит, на этой копи можно было добыть камень в таком количестве, какое позволяло обменять у скупщика на необходимый душе объем жидкости — *штоф*» (Екатеринбург) [ЛТЭК]. Рядом с *Штофницей* находится копь *Полторница*, и это позволяет предположить, что камни из нее были проданы за полтора штофа. Вероятно, сразу же после расчета копи присваивалось соответствующее название.

Предания с мотивом удивительного богатства месторождений

Этот мотив встречается во многих преданиях, но не является при этом сюжетообразующим, а относится к числу статических мотивов⁷. В преданиях горщиков восхваляется количество и качество минералов: «Как говорили мужики, за деревней Сизиковой в ямах столько добывали аметистов, что могли купить всю Сизикову вместе с жителями» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «В бочке этой (в занорыше. — *Е. И.*) шерлы, так туго набито, что не знаешь, куда ломок засунуть, коекак засунешь... Ох, и камня что этого раньше было! Прямо тарелками, шапками продавали» [ПЛУ, 105]. Упоминается удивительная величина самоцветов: «Деда

⁷ Принято различать мотивы динамические и статические [Швабауэр, 2002, 177]. Динамические мотивы «передают движение повествования или описания», «заключают в себе зерно дальнейшего развития и часто — конфликтное начало» [Путилов, 1994, 179]. Под статическими мотивами обычно понимаются «эмоциональные и интеллектуальные реакции персонажей, описания атрибутов, мест, внешнего облика, этикетные аспекты» [Там же, 178].

наши тут такие камни добывали, что нам, нынешним, и не снилось... Взять Парфениху (копь. — *Е. И.*) — такие морионы прекрасные, с голову и больше были» [Артемьев, 2012, 80]; «Хризолитина была величиной с кулак. Бывало, вытащит он ее из сундука, посмотрит, полюбуется и опять положит» [ПЛУ, 103].

На первых этапах добычи самоцветов их действительно было гораздо больше, а преувеличение объясняется устойчивостью мотива удивительного богатства в предшествующие времена (ср. легенды о золотом веке). Такие предания бытовали и в XIX в., и в начале XX в. Вот что писал о них Д. Н. Мамин-Сибиряк: «Невозможного ничего нет, тем более что в старину не только люди были лучше, но, как оказывается, даже и камни...» [Мамин-Сибиряк, 2013, 269]. Рассказы о том, «как в старину живали счастливо, как камень шел все самоцветный, чистый да с головками⁸», не раз слышал академик А. Е. Ферсман [1960, 71].

Указание на удивительное богатство месторождений часто встречается в мотивациях топонимов: остров *Хрустальный* («хрустали по метру прямо на отвалах лежали, и никому они не нужны» (Реж) [ЛТЭК]); копь *Стаканница* («Кристаллы аметиста размером с граненый стакан добывали, и формой схожи» (Кайгородское) [ЛТЭК]); «Копь *Тележница* — потому что камень в большом количестве добывали и возили телегами» (Екатеринбург) [ЛТЭК]. Другое объяснение также указывает на богатство копи: «Говорят, там занорыши такие были, что телега могла заехать» (Березовский) [ЛТЭК]. При объяснении названия копи *Лопатница* информанты подчеркивают легкость добычи и обилие минералов: «Зачерпнул лопатой породу, а на ней аметисты лежат» (Екатеринбург) [ЛТЭК]. Встречается в среде горщиков идиома: *самоцветы (аметисты / хрустали) чуть ли не с первой лопаты пошли* (Екатеринбург) [ЛТЭК] (ср. новосиб. *хоть лопатой гребти 'экспр. очень много'* [ФСРС, 48]).

Выводы

1. Топонимические предания — ценный источник выявления мотивации топонима. Иногда ее удается установить только благодаря преданиям (предания о копиях *Бык, Подкопытница, Сарафанница*).

2. Корреляция устойчивого мотива преданий и устойчивой номинативной модели помогает определить верную мотивировку топонима: мотив продажи самоцветов и модель «указание на доходность копи» (причем не только в рублях, но и в штофах) позволяют объяснить топонимы *Двухсотенная, Трехсотенная, Сторублевка, Тридцатирублевка, Тысячница, Штофница*.

⁸ «Головкой называется верхняя оконечность кристалла, покрытая гранями. Хорошо образованная головка не только представляет научный интерес, но и, по справедливому наблюдению горщиков, является следствием чистой и спокойной кристаллизации, а потому ей обычно сопутствует и большая прозрачность камня» [Ферсман, 1960, 71].

3. Обращение к историческим данным и комплексный этнолингвистический анализ позволяют установить истинность или ложность мотивации топонима, содержащейся в предании (предания о коях *Мора*, *Ватухе*).

4. Предания уральских горщиков — ценный источник изучения их образа жизни и мировоззрения. Так, «фартовое сознание» порождает мотив случайной находки. Регулятором отношений в профессиональной среде выступают предания с мотивами наказания за жадность и нарушения запрета.

5. Предания вырастают из реальной практики горщиков, их рассказов и баек. Повторяясь, рассказы становятся полноценными преданиями, оформляются с использованием устойчивых мотивов. Известные повествовательные мотивы конкретизируются применительно к данной профессиональной среде: так, мотив заговоренного и «недающегося» клада замещается мотивом неудачной разработки месторождения, мотив самопогребения чуди — мотивом погребения сокровищ.

6. В преданиях горщиков прошлое и настоящее тесно переплетаются, и рядом с реалиями нового времени мы обнаруживаем архаические пласты: следы анимистических представлений, веру в горных духов. Так, в предании о копи *Вдовья* сочетаются рассказ о Великой Отечественной войне и наказание за нарушение запрета.

Источники

- Акчим — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь : Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1984—. Вып. 1–. *Артемов И. И.* Кайгородская быль : рассказы. Екатеринбург : Квадрат, 2012.
- Бажов П. П.* Малахитовая шкатулка : науч. изд. / подгот. и коммент. М. Литовской, Д. Жердева, Е. Федотовой. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019.
- Блинова, 1941 — Тайные сказы рабочих Урала / сост. Е. М. Блинова. М. : Советский писатель, 1941.
- Власова С. К.* Сказание о Щелкане и Сулее. Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1961.
- Гора-недотрога. Из тагильских старинных устных преданий / записал А. Гашев // Тагильский рабочий. 1940. 20 июля. С. 3.
- ЛТЭК — картотека «Лексика, топонимия, этнография камня» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Маковецкий, 2013 — По следам самоцветов. Байки уральских хитников / ред. А. Маковецкий. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2013.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Самоцветы : очерки. Нижний Тагил : Робин Гуд, 2013.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 2, кн. 1. СПб. : Имп. АН, 1786.
- ПЛУ — Предания и легенды Урала : фольклорные рассказы / сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Кругляшовой. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991.
- Рычков А. В.* Город Реж: 12 поколений. Реж : Малыш и Карлсон, 2013.
- Саримов Р.* В лес... за камнем // Вокруг света. 1975. Ноябрь. С. 34–38.
- Соловьев Ю. С.* Аметистовое ожерелье // Уральский следопыт. 1969. № 8. С. 38–42.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

- Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008.
- Ферсман А. Е.* Путешествия за камнем. М. : Изд-во АН СССР, 1960.
- ФСРГС — *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск : Наука, 1983.
- Чутин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь : Тип. Поповой, 1873.

Исследования

- Ахметшин Б. Г.* Горняцкие легенды и предания народов Урала // Ватандаш. 2017. № 7. С. 163–187.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
- Березович Е. Л.* Чудь // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М. : Международные отношения, 2012. С. 560–562.
- Березович Е. Л., Кучко В. С., Сурикова О. Д.* Топонимическое предание и исторический факт (на материале преданий о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья) // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 108–133. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.1.006
- Грибанова О. Д.* Региональное своеобразие зауральских топонимических преданий : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Курган. гос. ун-т. Челябинск, 2006.
- Котельникова Н. Е.* Мотив наказания за жадность в фольклорной прозе о кладах // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 82–90.
- Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л. : Наука, 1987.
- Лазарев А. И.* Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала : топонимический словарь. Екатеринбург : Сократ, 2008.
- Пешина К. С.* Топонимические предания Пермского края: мотивирующие основы топонимов и группы сюжетов (по материалам XIX–XX вв.) // Традиционная культура. 2018. Т. 19, вып. 5. С. 72–83.
- Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб. : Наука, 1994.
- Соколова В. К.* Русские исторические предания. М. : Наука, 1970.
- Швабауэр Н. А.* Типология фантастических персонажей в фольклоре горнорабочих Западной Европы и России : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Челябинск, 2002.

Рукопись поступила в редакцию 10.01.2022

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские
влг.	вологодские
новосиб.	новосибирские
перм.	пермские
свердл.	свердловские

* * *

Иванова Елена Эдуардовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: paklina.len@yandex.ru

Ivanova, Elena Eduardovna

PhD, Associate Professor
Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: paklina.len@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-3265>

Elena E. Ivanova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

TOPONYMIC LEGENDS OF URAL AMATEUR MINERS

This article analyses the legends of Ural amateur miners (*gorshchiks*) — people who recover precious stones and gemstones as their private business. The folklore of amateur miners still remains virtually unstudied; that differentiates it from the folklore of professional miners (*gorniaiks*). The research is based on field records of various periods, both published and unpublished. These records are part of the card index *Vocabulary, Toponymy, Ethnography of the Stone* kept at the Department of the Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication (Ural Federal University). The article demonstrates that the legends spring from the real working practices of amateur miners; traditional motifs, including fantastic ones, add to these legends. The research centres on toponymic legends which are considered as a source for deriving the inner form and motivation of the place name (toponym). The author points out that applying to historical records and a comprehensive ethnolinguistic analysis help establish if the motivation of the toponym given in the legend is correct or erroneous. The research reveals that a correlation between a firmly established legendary motif and a firmly established nominative model helps correctly determine the motivation of a toponym. In addition, the amateur miners' legends are seen as a source for studying their way of life and worldview. The article analyses the following motifs characteristic of the amateur miners' legends: the stroke of luck and the chance discovery of gemstones, the not given treasure and the unlucky development of a mine, the prophetic dream, the violation of a taboo and punishment for greed, the miraculous richness of mines. The author highlights specific professional interpretations that well-known folklore motifs acquire in the amateur miners' legends. Specifically, the self-burial of the Chud people is replaced by the motif of treasure burial.

К е y o r d s: Russian language; toponymy; folklore; toponymic legend; legendary motif; the motivation of a place name; history of the Urals

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the project *The Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies*, funded by the Ministry of Education and Science of Russia (topic number FEUZ-2020-0056).

- Akhmetshin, B. G. (2017). Gorniatские легенды и предания народов Урала [Mining Legends of the Ural Peoples]. *Vatandash*, 7, 163–187.
- Berezovich, E. L. (2000). *Russkaia toponimiia v etnolingvističeskom aspekte* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvističeskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L. (2012). Chud' [Chud]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 5, pp. 560–562). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Berezovich, E. L., Kuchko, V. S., & Surikova, O. D. (2015). Toponimicheskoe predanie i istoričeskii fakt (na materiale predanii o razboinikakh vostočnogo Vologodsko-Kostromskogo pogranich'ia) [Toponymic Legend and Historical Fact (Based on the Legend about the Robbers of the Eastern Vologda-Kostroma Border)]. *Voprosy onomastiki*, 18(1), 108–133. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.1.006
- Gribanova, O. D. (2006). *Regional'noe svoeobrazie zaural'skikh toponimicheskikh predanii* [Regional Originality of Trans-Ural Toponymic Legends] (Doctoral dissertation). Kurgan State University, Chelyabinsk.
- Kotelnikova, N. E. (2015). Motiv nakazaniia za zhadnost' v fol'klornoj proze o kladakh [The Motive of Punishment for Greed in Folk Prose about Treasures]. *Traditsionnaia kul'tura*, 4, 82–90.
- Krinichnaya, N. A. (1987). *Russkaia narodnaia istoričeskaia proza: Voprosy genezisa i struktury* [Russian Folk Historical Prose: Questions of Genesis and Structure]. Leningrad: Nauka.
- Lazarev, A. I. (1970). *Predaniia rabochikh Urala kak khudozhestvennoe iavlenie* [Legends of the Workers of the Urals as a Creativity Phenomenon]. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo.
- Matveyev, A. K. (2008). *Geograficheskie nazvaniia Urala: toponimicheskii slovar'* [Geographical Names of the Urals: A Toponymic Dictionary]. Ekaterinburg: Sokrat.
- Peshina, K. S. (2018). Toponimicheskie predaniia Permskogo kraia: motiviruiushchie osnovy toponimov i gruppy siuzhetov (po materialam XIX–XX vv.) [Toponymic Traditions of the Perm Territory: Motivating Foundations of Toponyms and Groups of Plots (Based on Materials from the 19th–20th Centuries)]. *Traditsionnaia kul'tura*, 19(5), 72–83.
- Putilov, B. N. (1994). *Fol'klor i narodnaia kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. St Petersburg: Nauka.
- Sokolova, V. K. (1970). *Russkie istoričeskie predaniia* [Russian Historical Legends]. Moscow: Nauka.
- Swabauer, N. A. (2002). *Tipologii fantasticheskikh personazhei v fol'klоре gornorabochikh Zapadnoi Evropy i Rossii* [Typology of Fantastic Characters in the Folklore of Miners in Western Europe and Russia] (Doctoral dissertation). Ural State University, Chelyabinsk.

Received on 10 January 2022